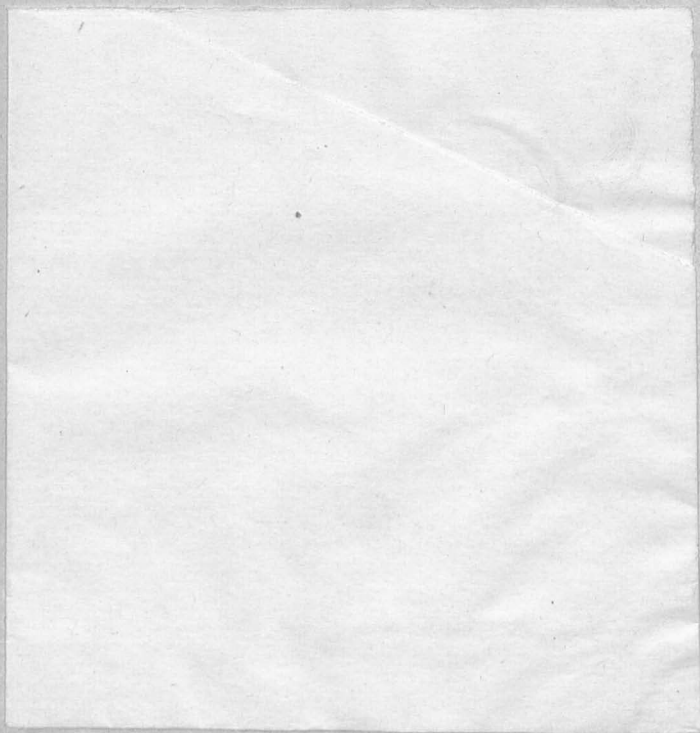

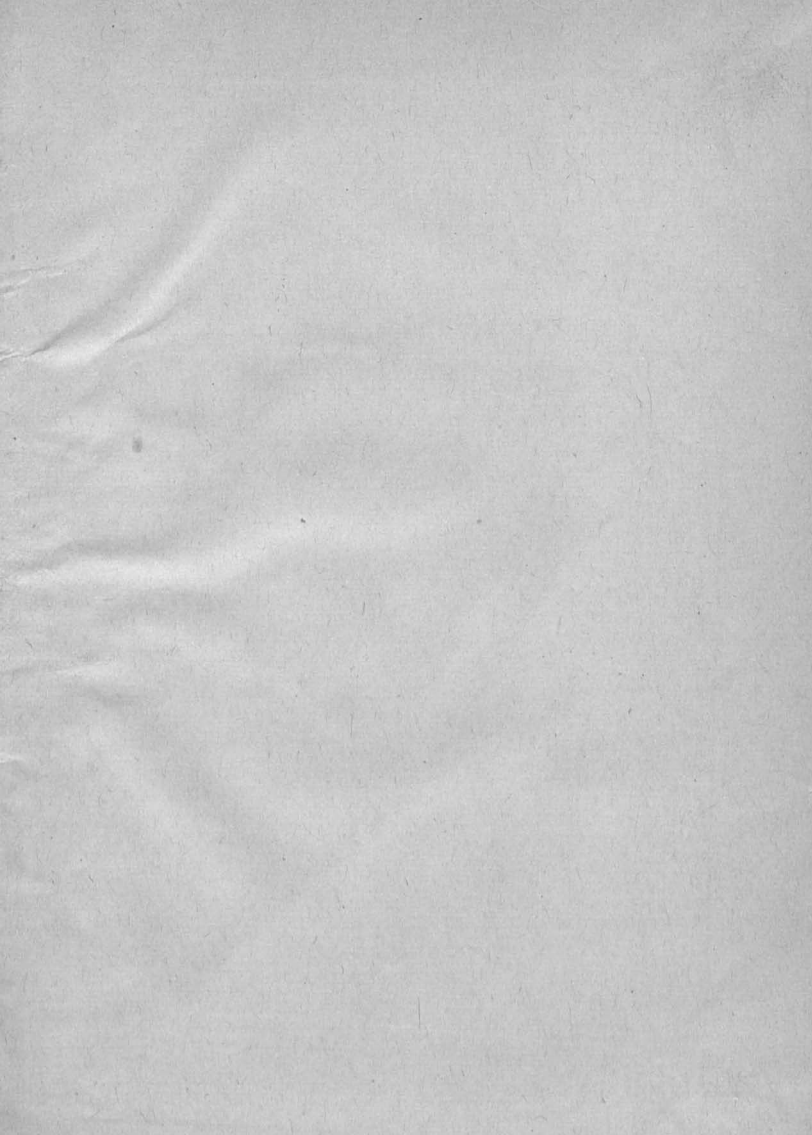
A

289

675

A 289.

675.

А 289/675

Проф. М. Красноженъ.

Воспоминанія ГИМНАЗИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

(Къ столѣтнему юбилею Калужской гимназiи).

Юрьевъ.

Печатано въ типографіи Шнакенбурга.

1904.

Проф. М. Краснов

Воспоминания

Жизнь и творчество

Дозволено Цензурою. — Юрьевъ, 3 августа 1904 г.

(изданы по распоряжению Юрьевского университета)

2007097302

Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Всѣмъ честію, и мертвымъ, и живымъ,
Къ устамъ поднявъ признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ.

Пушкинъ.

Какъ быстро бѣжитъ неумолимое время!
Какъ сильны и живы воспоминанія дѣтства!
Какъ сейчасъ помню: ясный, совершенно еще
лѣтній, августовскій день 1870 года . . . По-
молившись Богу и давъ родителямъ твердое
обѣщаніе хорошо учиться, отправился я съ от-
цемъ въ Калужскую гимназію, держать экзаменъ.
Экзаменъ въ I-ый классъ я долженъ былъ вы-
держивать непременно — иначе пришлось бы на
всегда распрощаться съ мыслию о гимназіи;
готовился же я къ экзамену на „мѣдные гроши“,
проходя большую часть наукъ „самоучкою“.

1) Въ нынѣшнемъ году празднуетъ столѣтіе своего
существованія цѣлый рядъ нашихъ гимназій. Первою от-
праздновала его I-я Московская мужская гимназія — 2 ян-
варя, за тѣмъ Тверская — 2 февраля, Смоленская — 26
марта. Въ августѣ мѣсяцѣ столѣтній юбилей будутъ праздно-
вать слѣдующія гимназіи: Владимірская — 7 августа, Воло-
годская — 18 августа, Тверская и Калужская — 30 августа.
15 сентября исполнится сто лѣтъ со времени существованія
Костромской гимназіи, а 27 ноября — Рязанской.

Вотъ оно, казавшееся мнѣ въ дѣтствѣ такимъ большимъ и чѣмъ-то таинственнымъ, зданіе гимназіи на углу Никитской и Вѣнской улицъ, противъ памятной всѣмъ калужскимъ гимназистамъ церкви Благовѣщенія, у часовни которой, идя въ классъ, особенно на трудный урокъ, рѣдкій гимназистъ не перекрестится и не сотворитъ краткую, но усердную молитву. Вотъ и парадный ходъ на углу означенныхъ улицъ, открытый на этотъ разъ по случаю экзаменовъ. Сердце начинаетъ усиленно биться А вотъ и длинный залъ, въ которомъ происходятъ экзамены по которому съ озабоченными лицами ходятъ родители, подводя своихъ дѣтей то къ одному, то къ другому экзаменатору: въ то время экзамены въ младшіе классы гимназіи сдавались сразу, въ одинъ день.

Получаю экзаменаціонный листъ и начинаю держать экзамены — прежде всего по Закону Божію, за тѣмъ-по русскому языку. Слава Богу, все идетъ хорошо! Надзиратель (должности помощниковъ классныхъ наставниковъ, мало соотвѣтствующей этому названію, тогда еще не было), съ листомъ въ рукахъ, ведетъ меня дальше къ окну, куда съ особымъ вниманіемъ, соединеннымъ со страхомъ, робко обращаютъ взоры экзаменующіеся и ихъ родители. И вотъ передо мною мужчина огромнаго роста, колоссальнаго сложенія, съ большимъ открытымъ

лицомъ, обратившійся ко мнѣ громкимъ, заставлявшимъ трепетать и храбраго, голосомъ. Мужчина этотъ — гроза гимназіи, учитель математики Василій Александровичъ Кононовъ. Но подробнѣе о немъ скажу далѣе... Получаю у него задачу: раздѣлить одно какое-то большое число на другое. Пишу на доскѣ; мѣль прыгаетъ въ рукахъ. Но, слава Богу, слышу: „довольно“. Отецъ отправляется къ директору и узнаетъ, что всѣ экзамены я выдержалъ, и при томъ выдержалъ очень хорошо.

Не буду описывать первыхъ дней пребыванія въ гимназіи, столь хорошо врѣзавшихся въ моей памяти, какъ будто бы это было совершенно недавно. Дальнѣйшія воспоминанія и впечатлѣнія гимназической жизни уже не столь ясны; они сливаются въ одно большое цѣлое. Перенесу ихъ поэтому къ отдѣльнымъ преподавателямъ; ихъ теперь уже нѣтъ на службѣ въ гимназіи, и многихъ изъ нихъ приняла въ свои объятія общая наша мать — сыра земля.

А. И. Ростиславовъ.

Законъ Божій во время всего моего пребыванія въ Калужской гимназіи преподавалъ во всѣхъ классахъ протоіерей Воскресенской церкви Александръ Ивановичъ Ростиславовъ.

Кто изъ бывшихъ учениковъ покойнаго не помнитъ этой свѣтлой, благородной личности?

О. Александръ любилъ свой предметъ и умѣлъ преподавать его не только ученикамъ старшихъ классовъ, но и мальчикамъ. Законъ Божій мы знали превосходно. Я, напримѣръ, и теперь помню многіе длинные тексты изъ Катихизиса, а что можетъ быть скучнѣе и труднѣе изученія этихъ текстовъ! Надо при этомъ замѣтить, что о. Александръ вовсе не былъ строгъ по отношенію къ своимъ ученикамъ и очень рѣдко ставилъ дурные баллы; въ старшихъ же классахъ имѣть даже 4 по Закону Божию у о. Александра было совѣстно — именно совѣстно. За то о. Александръ никогда не ограничивался знаніемъ заданнаго урока, а постоянно спрашивалъ изъ всего пройденнаго. А какъ краснорѣчиво объяснялъ онъ „слѣдующій урокъ.“! Право, можно было заслушаться. До сихъ поръ помню, какое сильное впечатлѣніе производили на насъ рассказы о. Александра по исторіи Новаго Завѣта во 2-мъ классѣ. Рассказы о страданіяхъ и крестной смерти Спасителя о. Ростиславовъ пріурочивалъ къ Великому Посту. Какъ сердечны и трогательны были эти рассказы! Весь классъ, даже отчаянные шалуны боялись проронить хотя одно слово; мальчуганы внимательно слушали дорогія воспоминанія о послѣднихъ дняхъ жизни Іисуса Христа, сосредоточенно устремивъ глаза, часто наполненные слезами, на вдохновеннаго повѣствователя, у котораго къ концу раз-

сказа тоже начиналъ дрожать голосъ отъ душевнаго волненія.

Вотъ и послѣдній 8-ой классъ. На экзаменѣ по Закону Божію обыкновенно присутствовалъ архіерей. Экзаменъ по Закону Божію всегда былъ послѣднимъ. Прочіе экзамены уже сданы; по Закону Божію никто, конечно, не только не можетъ провалиться, но даже и четверки не получить; весело было сдавать этотъ экзаменъ. Въ тотъ же день обыкновенно происходило засѣданіе педагогическаго совѣта — и изъ учениковъ гимназіи мы становились полноправными гражданами, въ недалекомъ будущемъ студентами. Вотъ приглашаютъ насъ снова въ тотъ же самый большой торжественный залъ, въ который мы нѣсколько лѣтъ тому назадъ вступали со страхомъ и трепетомъ, чтобы держать пріемные экзамены. О. Ростиславовъ говорить рѣчь. Прежде всего онъ поздравляетъ насъ съ окончаніемъ курса, а затѣмъ, какъ отецъ дѣтямъ, даетъ нѣсколько совѣтовъ для жизни, въ которую мы теперь вступаемъ самостоятельно; онъ предостерегаетъ насъ отъ соблазновъ большого города, жителями котораго мы будемъ черезъ нѣсколько недѣль; ободряетъ тѣхъ, которые, не имѣя средствъ, задумываются надъ будущимъ: большая часть учениковъ нашего выпуска были люди небогатые, жившіе въ старшихъ классахъ уроками. „Что же дѣлать!“

— говоритъ онъ, „надо перетерпѣть: часомъ съ квасомъ, порою съ водою; терпѣніе и трудъ все перетрутъ.“ Эти завѣты и поученія о. Ростиславова часто вспоминались потомъ въ тяжелыхъ обстоятельствахъ жизни и не пропали для насъ даромъ. Смѣло можно сказать, что каждый бывшій ученикъ о. Александра и теперь съ глубокою благодарностью вспоминаетъ о своемъ дорогомъ законоучителѣ.

Математику, физику и космографію въ мое время преподавали три учителя: Александръ Ксенофоновичъ Раздеришинъ, бывшій и инспекторомъ гимназіи, Юліанъ Станиславовичъ Козляковскій и Василій Александровичъ Кононовъ.*)

А. К. Раздеришинъ.

А. К. Раздеришинъ преподавалъ у насъ только одинъ годъ — въ 3-мъ классѣ, такъ что воспоминаній о немъ осталось весьма мало. Помню, что у него тряслась правая рука, такъ что писалъ онъ ломаннымъ почеркомъ; даже черты цифръ получались неровныя. Человѣкъ онъ былъ добрый, и ученики его любили. Вскорѣ онъ умеръ — еще нестарымъ человѣкомъ.

*) Нѣсколько мѣсяцевъ преподавалъ въ 8 классѣ космографію также Дмитрій Павловичъ Мартыновъ — молодой, весьма добрый и симпатичный человѣкъ.

Ю. С. Козляковскій.

Гораздо больше воспоминаній оставилъ Ю. С. Козляковскій, преподававшій намъ математику и физику въ старшихъ классахъ. Это былъ талантливый математикъ, опытный педагогъ и добрѣйшей души человекъ. Къ сожалѣнію, послѣднее время нашего пребыванія въ гимназіи онъ сталъ сильно и часто прихварывать, вслѣдствіе чего принужденъ былъ пропускать много уроковъ. Большое удовольствіе намъ и неудовольствіе добрѣйшему Ю. С. Козляковскому доставляли посѣщенія физическаго кабинета. Для насъ посѣщеніе физическаго кабинета являлось своего рода праздникомъ: не надо было отвѣчать заданнаго урока, который относился къ слѣдующему дню; интересно было также посмотреть невиданные физическіе приборы — модель локомотива съ вагонами, стоявшими въ готовности двинуться въ путь по деревяннымъ рельсамъ, положеннымъ по полу (локомотивъ, впрочемъ, былъ попорченъ и все время стоялъ на рельсахъ неподвижно), электрическую машину, къ которой мы приближались всегда съ нѣкоторымъ страхомъ и пр. И вотъ, сговорившись цѣлымъ классомъ непремѣнно достигнуть желанной цѣли, еще задолго до звонка располагались мы на лѣстницѣ, ведущей въ 3-ій этажъ, въ физическій кабинетъ, чтобы быть ближе къ цѣли нашихъ желаній, и, когда по-

казывался изъ учительской комнаты Ю. С. Козляковскій, въ одинъ голосъ всѣ, просили его повести насъ въ физическій кабинетъ. „Въ физическій кабинетъ“, „въ физическій кабинетъ!“ — просятъ ученики. „Сегодня нельзя“ — отвѣчаетъ на эти просьбы Ю. С. и начинаетъ приводить рядъ доводовъ, въ родѣ-того, что кабинетъ не натоплень, какъ слѣдуетъ, и тамъ холодно, что электрическая машина не въ исправности и будетъ готова къ слѣдующему разу и т. п. За то сколько было радости, если, побѣжденный нашими просьбами, Ю. С. бралъ въ руки ключъ и отворялъ физическій кабинетъ, по обширнымъ заламъ котораго мы быстро разсыпались, рассматривая не столько физическіе приборы и инструменты, коими кабинетъ этотъ въ то время былъ не особенно богатъ, сколько любуясь прекраснымъ и богатымъ собраніемъ коллекцій по естествовѣдѣнію, которое, подъ названіемъ „естественной исторіи“, до 1872 года преподавалась въ ниснихъ классахъ Гимназіи! Чаше же попытки наши проникнуть въ физическій кабинетъ терпѣли полное фіаско — и съ грустнымъ видомъ мы шли въ классъ на урокъ.

В. А. Кононовъ.

Больше всего воспоминаній у калужскихъ гимназистовъ оставилъ, конечно, производившій сильное впечатлѣніе даже съ перваго раза

учитель математики (впослѣдствіи директоръ Калужскаго реального училища) В. А. Кононовъ, своимъ видомъ и громовымъ голосомъ наводившій страхъ даже на учениковъ старшихъ классовъ, мальчуганы же младшихъ классовъ передъ нимъ прямо таки трепетали. Сидя у него на урокъ, рѣдкій изъ учениковъ не творилъ про себя молитву, а нѣкоторые, растерявшись при вызовѣ къ доскѣ, творили крестное знаменіе открыто. „Крыловъ!“ вызываетъ громовымъ голосомъ ученика В. А. Кононовъ. Крыловъ крестится и медленно вылѣзаетъ изъ за парты. „Что крестишься?“ гремитъ В. А., „вѣдь знаешь, что отъ меня не отойдешь ни крестомъ, ни молитвою“. Робкимъ тихимъ голосомъ начиналъ ученикъ отвѣчать урокъ; но окрикъ В. А.: „громче! еще громче!“ заставлялъ его быть смѣлѣе. В. А. Кононовъ требовалъ, чтобы ученикъ отвѣчалъ урокъ въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, какъ онъ его объяснялъ, никакого учебника онъ не признавалъ, и когда кто-нибудь отвѣчалъ иначе, онъ обыкновенно спрашивалъ: „откуда это?“ „Я училъ по книгѣ, по Малинину“ говоритъ окончательно растерянный ученикъ. „Какая тамъ книга: я вамъ книга, да и самъ Малининъ у меня учился“. Существовали особыя записки, въ которыхъ со стенографическою точностью воспроизводились слова В. А. Кононова. Обладатели этихъ записокъ служили

предметомъ зависти цѣлаго класса, а списавшій хотя часть этихъ записокъ считалъ себя счастливымъ.

За отвѣтомъ теоріи слѣдовала непремѣнно задача. Отъ ученика требовалась сообразительность, а также быстрота въ рѣшеніи, особенно въ вычисленіяхъ. Задастъ, напр., В. А. въ приготовительномъ классѣ задачу: „два барабана, три таракана — сколько музыки?“ И бѣда, если ученикъ, не сообразивши, попытается рѣшать такую задачу: онъ немедленно получалъ нуль или, какъ говорилъ В. А., блинъ. Особенно любилъ печь эти блины В. А. на масляницѣ до самаго роспуска и на первой недѣлѣ Великаго Поста.

Въ отвѣтѣ урока и рѣшеніи задачи принималъ участіе весь классъ. Зазѣваться было невозможно: „Крыловъ продолжай,“ или „повтори“ — и если спрашиваемый не отвѣчалъ немедленно, сейчасъ же получалъ блинъ или палку, т. е. единицу. В. А. зналъ своихъ учениковъ до мельчайшихъ подробностей; зналъ, кто гдѣ живетъ, какъ проводить время, и, будучи въ веселомъ настроеніи духа, пользовался этими свѣдѣніями для составленія импровизованныхъ задачъ, темою которыхъ служило пусканіе змія, уженъе рыбы, смотря по склонности ученика къ тому или другому занятію. Особенно не любилъ В. А. учениковъ-плаксъ, а таковыхъ

на его урокахъ въ младшихъ классахъ было не мало. Если получившій блинъ или палку начиналъ плакать, то В. А. начиналъ строить въ балльникѣ цѣлый частоколъ изъ палокъ, ставя нѣсколько единицъ сразу впередъ, или, какъ онъ говорилъ, „въ задатокъ“. Особенно сильно доставалось отъ В. А. лѣнтяамъ изъ казенно-коштныхъ пансіонеровъ: заднія парты, на которыхъ они обыкновенно устраивались, онъ называлъ Камчаткой, а къ обитателямъ этой Камчатки обращался въ очень нелестныхъ для нихъ выраженіяхъ, какъ напр.: „ахъ вы лѣнтяи, истребители казеннаго хлѣба и каши!“

Въ младшихъ классахъ неуспѣвающихъ учениковъ у В. А. было довольно таки много; за то, прошедшимъ суровую школу у В. А., ученикамъ старшихъ классовъ учиться было легко, да и самъ В. А. въ старшихъ классахъ совершенно перемѣнялся, такъ что старшіе гимназисты очень любили его самого, любили и прекрасно знали и преподаваемый имъ предметъ, а также соревновали другъ съ другомъ въ рѣшеніи самыхъ сложныхъ задачъ, при чемъ иногда въ этомъ соревнованіи, если задача была особенно трудная, надъ которой задумывались даже лучшіе ученики, принималъ участіе и самъ В. А., справедливо славившійся тѣмъ, что не было задачи, которую бы онъ сразу не рѣшилъ.

Въ общемъ В. А. Кононовъ былъ человѣкъ не злой. Суровость и даже нѣкоторая грубость въ обращеніи съ учениками младшихъ классовъ являлись скорѣе напускными, чѣмъ дѣйствительными; въ этомъ выражалась своего рода система тогдашняго воспитанія въ младшихъ классахъ. В. А. прослужилъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія чуть ли не болѣе 40 лѣтъ; учениковъ въ Калугѣ у него было много, и при томъ разныхъ поколѣній: въ нѣкоторыхъ калужскихъ семействахъ у него учились отцы и дѣти, даже дѣды и внуки. За гробомъ В. А. шелъ, можно сказать, весь городъ.

Преподавателями русскаго языка были Θεодоръ Васильевичъ Гаффнеръ, Владиміръ Алексѣевичъ Яковлевъ и Александръ Николаевичъ Троицкій.*)

Θ. В. Гаффнеръ.

Θ. В. Гаффнеръ, небольшого роста, во всемъ по нѣмецки аккуратный, преподавалъ русскій языкъ въ младшихъ классахъ. Ученики его любили, но въ тоже время и побаивались, такъ какъ Θ. В. лѣнтыевъ и шалуновъ не

*) По случаю перевода А. Н. Троицкаго инспекторомъ на Западъ, нѣсколько мѣсяцевъ въ 8 классѣ преподавалъ еще г. Ласкинъ, весьма любимый учениками за снисходительность. Въ Калужской гимназіи онъ прослужилъ недолго.

особенно жаловалъ. По окончаніи урока онъ становился въ дверяхъ класса, такъ что ученики должны были проходить мимо него, причемъ наиболѣе успѣвающихъ онъ гладилъ по головѣ. Помню, какъ каждому малышу хотѣлось заслужить эту похвалу.

В. А. Яковлевъ.

В. А. Яковлевъ поступилъ на службу въ нашу гимназію еще совершенно молодымъ человѣкомъ, прямо со школьной скамьи, и сразу сдѣлался любимцемъ всей гимназіи, особенно учениковъ старшихъ классовъ, хотя у учениковъ онъ никогда не заискивалъ и держался съ ними очень серьезно, а въ младшихъ классахъ даже строго. За то В. А. былъ человѣкъ прямой, говорившій и высшимъ правду въ глаза и никогда не заискивающій передъ сильными міра сего. Вообще, это былъ рѣдкій по благородству души человѣкъ, и молодежь инстинктивно это чувствовала и прямо таки благоговѣла передъ своимъ учителемъ. В. А. Яковлеву обязаны мы отличнымъ знаніемъ русскаго языка и литературы, а также исторіи (которую онъ преподавалъ въ младшихъ классахъ.) Прекрасно подготовленный къ педагогическою дѣятельности, отличный знатокъ своего предмета, В. А. отдавалъ преподаванію всего себя; то спрашивая учениковъ, то

объясняя имъ новое и непонятное, онъ работалъ съ нами весь урокъ и требовалъ отъ учениковъ, что бы и они внимательно слѣдили за всѣмъ происходящимъ въ классѣ. Зазѣваться и не отвѣтить на вопросъ у В. А. было совѣстно, тѣмъ болѣе, что за невнимательность онъ не наказывалъ учениковъ дурными отмѣтками, какъ другіе преподаватели, а лишь читалъ имъ краткія, но грозныя поученія. Преподавая исторію, Н. А. требовалъ, чтобы каждый ученикъ отчетливо представлялъ себѣ по крайней мѣрѣ главнѣйшія историческія событія: перепутать не только столѣтія, но и десятки лѣтъ было невозможно; даже слабые ученики знали хронологію главныхъ событій, такъ какъ всѣ важнѣйшіе историческіе эпизоды вспоминались на каждомъ урокѣ по исторіи. В. А. былъ и нашимъ заступникомъ на засѣданіяхъ педагогическаго совѣта гимназіи, хотя тотъ, за кого онъ былъ ходатаемъ, часто объ этомъ и не догадывался. Прямой и благородный характеръ В. А. Яковлева нравился, конечно, не всѣмъ. Помню, какъ опечалены были всѣ ученики вѣстью, что ихъ любимый учитель переведенъ изъ нашей гимназіи „для пользы службы“ въ какой-то захолустный уѣздный городокъ. Скоро онъ и совсѣмъ ушелъ изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и перешелъ на педагогическое поприще по Военному вѣдомству.

А. Н. Троицкій.

А. Н. Троицкій былъ благодушнѣйшій и добрѣйшій человѣкъ. Своимъ предметомъ онъ такъ увлекался и преподавалъ русскій языкъ съ такимъ воодушевленіемъ, что на его урокахъ мы иногда не могли удержаться отъ невольной улыбки. Придетъ, бывало, А. Н. въ классъ, истово помолится Богу, раскланяется на всѣ стороны, освѣдомится объ отсутствующихъ ученикахъ, чтобы сдѣлать соотвѣтствующія отмѣтки въ журналѣ, и начнетъ объясненіе слѣдующаго урока громкимъ, съ удареніями на отдѣльныхъ словахъ, голосомъ. „Сегодня у насъ урокъ литературы (на слогѣ „ры“ дѣлается удареніе); литература — слово латинское (на е опять удареніе) отъ *littera* — буква и. т. д. Любилъ онъ говорить въ младшихъ классахъ прибаутки и шутки: „Изъ за лѣса, изъ за горъ выходи сюда Егоръ!“ вызываетъ, напр., А. Н. любимаго имъ ученика 2 класса Егора Х. Очень не любилъ А. Н. непорядка и шума въ классѣ и, будучи человѣкомъ добрымъ, старался воздѣйствовать на учениковъ не строгостью, а просьбами — быть потише. По отношенію къ исполненію своихъ обязанностей А. Н. былъ безупреченъ; онъ приходилъ въ классъ для занятій даже въ день своихъ именинъ, при чемъ въ началѣ урока обращался

къ ученикамъ съ просьбою: „сегодня меня не беспокойте — сегодня я именинникъ;“ Конечно, мы не всегда исполняли эти просьбы А. Н. Да простить онъ намъ тѣ огорченія, которыя мы ненамѣренно причиняли ему своими шалостями!

Загряжскій.

Кромѣ В. А. Яковлева, преподавателемъ исторіи въ Калужской гимназіи былъ нѣкоторое время еще совершенно молодой человѣкъ Загряжскій, очень симпатичный и образованный. На службѣ онъ пробылъ недолго: злая чахотка унесла его въ могилу въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ.

А. И. Даниловъ.

Географію во всѣхъ классахъ Калужской гимназіи преподавалъ Алексѣй Ивановичъ Даниловъ, бывшій долгое время инспекторомъ гимназіи. Какъ и подобаетъ инспектору, это былъ человѣкъ очень педантичный и наблюдательный, хвалившійся своею проницательностью. По наружности и осанкѣ А. И. старался быть величественнымъ, очень любилъ отдавать приказанія по военному, категорически, и усвоилъ себѣ манеру выражаться неопредѣленнымъ наклоненіемъ, напр., „затворить дверь! подать мѣлъ! выучить къ слѣдующему уроку! закрыть

форточку! не шумѣть!“ и т. д. Какъ инспекторъ, онъ весь былъ проникнутъ сознаниемъ важности этой должности. Выходя изъ учительской комнаты, помѣщавшейся во второмъ этажѣ, онъ громко приказывалъ сторожу давать звонокъ. „Иванъ, звони — иду!“ и, затѣмъ медленно спускаясь внизъ по лѣстницѣ, подзывалъ къ себѣ кого либо изъ надзирателей, обыкновенно милѣйшаго Михаила Петровича Петрова, спрашивалъ его о бывшихъ въ гимназіи происшествіяхъ и творилъ надъ провинившимися судъ и расправу: „остаться на часъ! остаться на два часа!“ слышалось въ воздухѣ.

Побаивались А. И. ученики очень; самымъ непріятнымъ былъ его безконечный допросъ въ чемъ либо провинившагося ученика, съ вызовомъ свидѣтелей, очными ставками и т. д. „Готовъ сидѣть въ гимназіи цѣлый день, лишь бы отпустилъ скорѣе, безъ длиннаго допроса“ — думалъ виновный, влекомый къ нему на отвѣтъ неумолимымъ надзирателемъ.

Свою науку А. И. ставилъ очень высоко и требовалъ по географіи знаній положительныхъ и отчетливыхъ. А. И. обыкновенно приносилъ въ классъ т. наз. „нѣмую“ карту, по которой и заставлялъ учениковъ показывать изучаемыя мѣстности. Если ученикъ ошибался, А. И. стыдилъ его, говоря, что онъ, даже закрывши глаза, не ошибется показать тотъ или

другой городъ, ту или другую рѣку — и дѣйствительно продѣлывалъ этотъ опытъ. Ученики знали географію отлично. Вызываетъ А. И. ученика на урокъ географіи Россіи и задаетъ вопросъ: „Скажите всѣ города расположенные по рѣкѣ Волгѣ.“ Вотъ ученикъ и начинается: „Осташковъ, Ржевъ, Зубцовъ“ . . . (Я и сейчасъ все это помню). „А гдѣ Кимвры?“ спрашиваетъ А. И. Даниловъ. Ученикъ тотчасъ долженъ былъ показать это мѣстечко на нѣмой картѣ. Если ученикъ показывалъ не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, А. И., зажмурившись, отыскивалъ это мѣстечко, къ общему удивленію учениковъ и въ назиданіе отвѣчающему урокъ. А. И. Даниловъ прослужилъ инспекторомъ Калужской гимназіи довольно долго и впослѣдствіи былъ директоромъ одного изъ реальныхъ училищъ Тульской губерніи.

Е. И. Гороцкій.

Латинскій и греческій языки преподавалъ Емельянъ Ивановичъ Гороцкій, человѣкъ очень добрый, но, къ сожалѣнію, крайне болѣзненный: онъ страдалъ сильною одышкою; на него, южанина, навѣрно вліялъ неблагоприятно нашъ климатъ, въ особенности бывающіе въ Калугѣ сильные зимніе морозы. Е. И. пріѣхалъ въ Калугу изъ Австріи въ то время, когда

графъ Толстой усиленно и, быть можетъ, слишкомъ поспѣшно насаждалъ въ Россіи классицизмъ. Потребовалось вдругъ много преподавателей древнихъ языковъ для нашихъ гимназій; подготовленныхъ же для того людей въ Россіи совсѣмъ почти не было. Обратились на Западъ, главнымъ образомъ, въ Австрію — и вотъ сразу двинулась къ намъ цѣлая рать австрійскихъ славянъ: Чеховъ, Хорватовъ, Словаковъ, Словенцевъ, Русинъ т. п., коимъ дома стало уже тѣсно. Многіе изъ этихъ лицъ, пріѣхавшихъ научить русское юношество греческой и латинской премудрости, по русски говорили такъ плохо, что ихъ и понять было трудно, да и само Министерство Народнаго Просвѣщенія въ выборѣ будущихъ учителей греческаго языка было не особенно разборчиво; оно было озабочено лишь тѣмъ, чтобы всѣ многочисленныя мѣста преподавателей этого вновь введеннаго предмета въ нашемъ обширномъ отечествѣ были заполнены¹⁾; особой любви къ русской молодежи эти чужеземцы питать тоже не могли.

¹⁾ Въ Вѣнѣ мнѣ показывали письмо, посланное изъ Министерства къ покойному настоятелю Вѣнской посольской русской церкви Раевскому, въ которомъ, въ виду нужды въ преподавателяхъ древнихъ языковъ, рекомендовалось быть не особенно разборчивымъ въ выборѣ. Преподавателями древнихъ языковъ въ русскія гимназіи были назначаемы студенты философскихъ факультетовъ въ Австріи даже еще не сдавшіе всѣхъ экзаменовъ въ университетѣ. Не этимъ ли объясняется огромная на первыхъ порахъ неуспѣшность учениковъ въ древнихъ языкахъ въ нашихъ гимназіяхъ?

Къ счастью, нашъ Е. И. Гороцкій (онъ былъ до окончанія нами курса и нашимъ класснымъ наставникомъ) составлялъ пріятное исключеніе; онъ сердечно любилъ русскую молодежь; всею душею полюбилъ онъ и Россію, ставшую для него вторымъ отечествомъ. Е. И. скоро разочаровался въ пользѣ изученія древнихъ языковъ для русскаго юношества, хотя первые годы своей преподавательской дѣятельности былъ довольно строгимъ учителемъ; между тѣмъ, чтобы существовать, надо было преподавать эти мало-полезные, по его же собственному убѣжденію, предметы. Это противорѣчіе сильно угнетало весьма впечатлительнаго Е. И. Когда мы были уже въ старшихъ классахъ гимназіи, Е. И. часто высказывалъ желаніе совсѣмъ бросить преподавательскую дѣятельность которая стала для него безцѣльною. „Лучше ходить съ шарманкою по улицамъ“ въ отчаяніи говорилъ онъ иногда — и лишь усиленные просьбы учениковъ довести по крайней мѣрѣ ихъ до конца курса удержали еще нѣкоторое время Е. И. на преподавательскомъ поприщѣ. Тяжело было и намъ наблюдать этотъ душевный разладъ и безъ того физически больного человѣка, съ каждымъ днемъ сгораваго подобно свѣчкѣ. При указанномъ выше отношеніи Е. И. къ древнимъ языкамъ, онъ, конечно, не могъ быть требовательнымъ и къ ученикамъ: уроки въ классѣ

у него отвѣчали по очереди, когда кто хотѣлъ. По видимому, школьная дисциплина, при такомъ слабомъ классномъ наставникѣ, должна была бы быть совершенно расшатана, а знаніе преподаваемыхъ такимъ учителемъ предметовъ, т. е. греческаго и латинскаго языка, весьма плохимъ. Однако на дѣлѣ было совершенно иначе. Ученики такъ любили и берегли своего добраго учителя и класснаго наставника, что все требуемое по программѣ знали не хуже, а даже лучше учившихся у прочихъ учителей. Классъ былъ дружный и занимающійся; уроки готовили отдѣльными кружками, а трудныя мѣста греческихъ или латинскихъ писателей разбирали всѣ вмѣстѣ — цѣлымъ классомъ. Болѣе четверти окончившихъ курсъ учениковъ получили медали; слѣдовало бы по балламъ дать медали и еще нѣсколькимъ ученикамъ, но у гимназіи не оказалось средствъ на пріобрѣтеніе такого большаго числа медалей; ни у кого не было въ среднемъ выводѣ менѣе 4. Этотъ выпускъ далъ трехъ профессоровъ университета и много другихъ видныхъ дѣятелей, несущихъ службу дорогой родинѣ. Такова сила любви!

Послѣдній разъ я видѣлъ Е. И. лѣтомъ 1881 года, на вечерѣ, который устроили ему мы — новоиспеченные студенты въ складчину у одного изъ товарищей (И. В. Розанова) въ благодарность за все сдѣланное имъ намъ

доброе. Скоро мать сыра-земля успокоила этого мало знавшаго въ жизни радостей труженника. Миръ тебѣ нашъ добрый искренній другъ и наставникъ! Память о тебѣ будетъ вѣчно жить у благодарныхъ учениковъ твоихъ!

Перехожу къ преподавателямъ новыхъ языковъ. Французскій и нѣмецкій языкъ въ наше время во всѣхъ гимназіяхъ были поставлены очень слабо: черезъ чуръ много времени отводилось языкамъ древнимъ и для новыхъ не оставалось ни времени, ни силъ. Въ нашей гимназіи, при слабыхъ требованіяхъ, знаніе новыхъ языковъ стояло, сравнительно съ другими гимназіями, высоко, быть можетъ, потому, что ученики старшихъ классовъ сами усердно занимались французскимъ или нѣмецкимъ языкомъ, такъ какъ хорошо понимали важность знанія ихъ для дальнѣйшихъ занятій въ университетѣ.

Ө. Ө. Бидо.

Французскій языкъ преподавалъ добрѣйшій Федоръ Федоровичъ Бидо — истый французъ, изящный и, не смотря на свои пожилые года, всегда франтовато одѣтый. До занятія педагогическою дѣятельностью, въ молодости, Ө. Ө. былъ у себя на родинѣ офицеромъ и очень лю-

билъ вспоминать объ этомъ времени. Требования къ ученикамъ *Θ. Θ.* предъявлялъ самыя минимальныя; на его урокахъ обыкновенно занимались не столько французскимъ языкомъ, сколько какимъ либо другимъ предметомъ. Но въ классѣ было и нѣсколько любителей французскаго языка, дѣлавшихъ большіе успѣхи.

Θ. Я. Штраухъ.

Кто изъ калужскихъ гимназистовъ не помнитъ типичнѣйшаго старика-нѣмца *Θедора Яковлевича Штрауха*, прослужившаго въ Калужской гимназіи чуть ли не полустолѣтіе и прожившаго все это время на одной и той же квартирѣ, противъ церкви Благовѣщенія, рядомъ съ гимназіею? *Θ. Я.* очень любилъ порядокъ и дисциплину въ классѣ, но, при своей добротѣ, никогда этого порядка не достигалъ; очень любилъ Россію, но до конца своей долготѣней жизни въ такомъ коренномъ русскомъ городѣ, какъ Калуга, не научился правильно говорить по русски, любилъ свой предметъ, но успѣвалъ научить немногому. Чтобы имѣть хорошія отмѣтки по нѣмецкому языку у *Θ. Я.*, надо было прежде всего смирно сидѣть на урокъ въ классѣ, и, кромѣ заданнаго урока, выучить какое либо дополненіе „отъ себя“ — нѣсколько нѣмецкихъ стиховъ, или перевести нѣсколько строкъ, но не изъ

того писателя, произведеніе котораго переводилъ весь классъ, а изъ какого либо другого. Когда Ѳ. Я. начиналъ ученику довѣрять, то онъ уже не спрашивалъ у него урока, а спрашивалъ только добровольно выученное, такъ что нѣкоторые ученики получали отличныя отмѣтки, не уча заданнаго урока, а только переводя нѣсколько строкъ „отъ себя“, между тѣмъ какъ другіе ученики аккуратно учили уроки и получали тройки. Надо замѣтить, что Ѳ. Я. позволялъ отвѣчать лишнее только тѣмъ ученикамъ, которыхъ онъ считалъ лучшими — „пятерочникамъ“, а отмѣтки 5 у него получить было нелегко: надо было начинать съ 3+ за самый лучшій отвѣтъ въ первый разъ, за тѣмъ во второй разъ можно было получить 4; эта отмѣтка держалась у ученика очень долго; наконецъ ученикъ получалъ раза два или три 4+ — и тогда только удостоивался 5; за то послѣ пятерки, если и ничего не отвѣтитъ, нельзя было получить сразу плохую отмѣтку; отмѣтки сбавлялись постепенно; но если ученикъ съ пятерки падалъ на 3, то добиться вновь пятери онъ могъ лишь черезъ долгое время. На кафедрѣ Ѳ. Я. садился очень рѣдко, быть можетъ, разъ или два въ годъ — это было событіемъ для всего класса; обыкновенно же онъ усаживался на какой либо партѣ, учениковъ спрашивалъ подъ рядъ — всѣхъ сидящихъ на какой либо партѣ. Иногда ученикъ, хорошо выучившій урокъ, незамѣтно

присаживался на ту парту, которую О. Я. спрашивалъ, и успѣвалъ тоже отвѣтить; если же О. Я. замѣчалъ эту продѣлку, то съ позоромъ возвращалъ сконфуженнаго ученика въ его постоянное мѣстопробываніе. Интересной системы держался О. Я. въ младшихъ классахъ, гдѣ былъ класснымъ наставникомъ, въ случаѣ взаимныхъ ссоръ и жалобъ учениковъ другъ на друга, а именно, не разбирая дѣла, онъ оставлялъ „безъ обѣда“, т. е. послѣ урока, обоихъ — и обвинителя и обвиняемаго. Система эта отучала охотниковъ до жалобъ и вносила согласіе между мальчуганами, хотя, конечно, была на руку шалунамъ.

П. П. Бибииковъ.

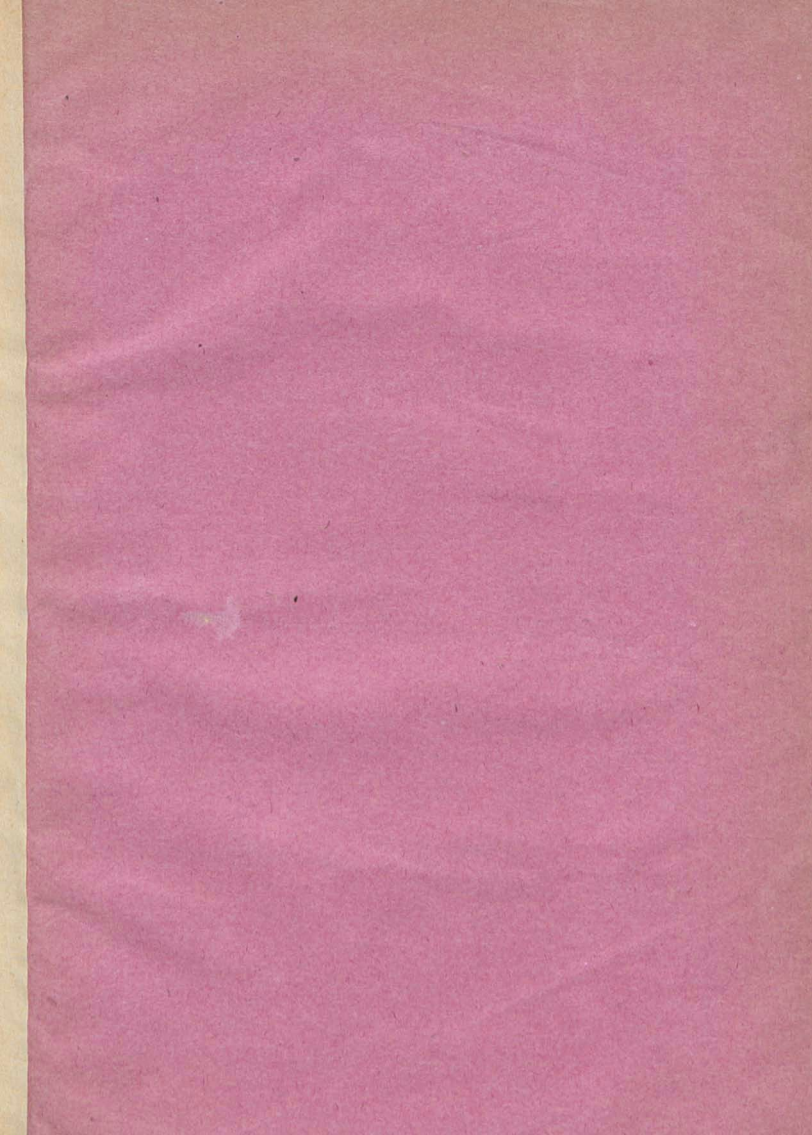
Въ заключеніе добрымъ словомъ помяну бывшаго во все время моего пребыванія въ Калужской гимназіи ея директоромъ — незабвеннаго Петра Петровича Бибиикова. Это былъ истинный и желанный типъ директора. Прекрасно образованный, отличный педагогъ, державшійся съ большимъ достоинствомъ, но безъ напускной важности начальника — П. П. заслужилъ какъ полное довѣріе высшаго начальства, такъ и любовь преподавателей и учениковъ; послѣдніе уважали и цѣнили его за постоянную готовность сдѣлать для ученика все возможное, при

IV-12820

томъ сдѣлать такъ, что ученикъ сразу и недогадывался, кому онъ обязанъ. Ему Калужская гимназія того времени обязана своимъ блестящимъ состояніемъ. Не стало П. П. Бибикова — и сразу почувствовалось отсутствіе живой силы, все одушевлявшей: гимназія осиротѣла на много лѣтъ. Трудовъ и заботъ покойнаго своего директора гимназія, конечно, никогда не забудеть. . . .

Гимназическій путь пройденъ. Окончились выпускные экзамены въ 8 классѣ, увѣнчавшіеся полученіемъ аттестатовъ зрѣлости. Дружною семьею собрались мы отпраздновать окончаніе курса въ чудномъ Калужскомъ бору. Незамѣтно пролетѣло время въ товарищескихъ разговорахъ и мечтахъ о будущемъ, которое и манило, и пугало. И только когда стало всходить на небѣ раннее лѣтнее солнце, разошлись мы по домамъ. Черезъ нѣсколько дней всѣ мы, прожившіе нѣсколько лѣтъ общеою жизнію, вмѣстѣ дѣлившіе и горе, и радость, покинули милую Калугу съ ея безподобными окрестностями и разлѣтились въ разныя стороны.

Впереди предстояла новая жизнь
Гдѣ то теперь вы, дорогіе товарищи?!

2007097302